

ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВАЯ ПАРАДИГМА СЛОВА

Н.Ф. Алефиренко

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, Белгород (Россия)

Любые *ценностно-смысловые отношения* служат категориальным признаком культуры. Можно сказать, сама культура – продукт моделирования ценностно-смысловых отношений человека к среде своего обитания. Поэтому каждая лингвокультура – это неповторимая Вселенная, создаваемая знаково-символическим отношением человека к миру и к самому себе. Отсюда лингводидактический вывод: постигая различные лингвокультуры, мы изучаем не просто книги, художественные тексты, – мы открываем для себя иные миры. Каждый художественный текст – результат творческой самореализации его автора. Поэтому постижение, кроме родной, иных лингвокультур обогащает человека не только новыми знаниями, но и его новыми жизнесмыслами. В этом плане важно понять, как вербализуется ценностно-смысловое отношение человека к миру? В поисках ответа на этот вопрос мы исходим из основополагающего для нас положения: отношение человека к миру определяется *смыслом*. Смысл соотносит любые предметы и явления с человеком: если нечто лишено смысла, оно для человека просто перестаёт существовать. Особую значимость данный феномен приобретает в сфере лингвокультурологии, где *смысл* необходимо прежде всего отличать от *значения*. Прямо скажем, задача непростая! Она усложняется еще и тем, что оба термина широко употребляются в самых разных гуманитарных науках. С точки зрения философии, смысл связан с предметно-образным содержанием человеческого бытия. Однако если даже смысл и выражается в образе, сам по себе он необязательно является предметным. Например, один из самых важных смыслов – жажда любви – вовсе не предполагает предметный образ какого-то конкретного человека (иначе каждый из нас заранее бы знал, кого полюбит). Дело в том, что подлинный смысл адресован не только разуму, но и неконтролируемым глубинам души и непосредственно затрагивает

наши чувства и волю. Смысл не всегда осознается человеком, и далеко не всякий смысл может быть выражен рационально. Большинство лингвокультурных смыслов в художественном тексте не получает эксплицитного выражения, оставаясь в бессознательных глубинах человеческой души. И всё же несмотря на свою таинственность, смыслы, явно или скрыто выражаемые в художественных текстах, образуют лингвокультуру того или иного народа.

Принадлежа к определенной лингвокультуре, мы наделяем вербализуемый мир соответствующими смыслами. Культура вообще – универсальный способ, каким человек делает мир «своим», превращая его, по словам М. Бубера, в *дом человеческого (смыслового) бытия* [Бубер 1993: 61, 8]. Даже звездное небо или глубины океана принадлежат культуре, если им отдана частица человеческой души, если они оказываются в нашем жизнесмысловом пространстве. В противном случае человек не засматривался бы на ночное небо, поэты не писали бы стихов, а ученые не отдавали бы изучению природы все силы своей души и, следовательно, не совершали бы великих открытий. Мысль рождается не сразу. Ещё Платон полагал, что познание начинается с удивления. Но интереса и удивления нет там, где нет культурных смыслов, направляющих умы и чувства многих людей на освоение мира и собственной души.

Вспомним фрагмент из романа Л.Н. Толстого «Война и мир». Слова Пьера о Боге, об истине уже к концу монолога растапливают сердце князя Андрея. Он вслушивается в смысл слов Пьера, вникает в него, но видит дальше, глубже масонской философии. Слова Пьера открывают ему собственный новый путь. Вновь князь Андрей смотрит на небо и видит то высокое и вечное небо, в которое он смотрел на поле Аустерлица, и опять на него нисходит откровение. Уже во второй раз в жизни. Кажется, что он заново постигает тайны мироздания.

Лингвокультура, таким образом, – это вербализованная реальность, созданная человеком в процессе его отношения к природе, обществу, к самому себе; это универсальный способ творческой самореализации человека через полагание смысла. Современная лингвокультурология для постижения базовых жизнесмыслов обращается к феномену концепта, что предполагает понимание того, как он соотносится со смыслом, понятием и значением. Основную сложность

в решении данной задачи создаёт двойственная природа практически всех вовлеченных в эту сферу категорий. Следует различать смысл довербальный и словесный, значение предметное и языковое, концепт и слово. Для такого различения можно использовать положения, ранее сформулированные мною в книге «Спорные проблемы семантики» [Алефиренко 2005]. Существуют, разумеется, и другие их толкования. В семасиологической концепции Д.Н. Шмелева, например, смысл определяется как «внеязыковое предметное содержание» слова. На этом основании некоторые исследователи поспешили отождествить «смысл», «концепт» и «понятие».

Термин *концепт*, возникнув в математической логике, в последнее время закрепился и в лингвокультурологии. Более того, оказавшись базовым понятием этой науки, он, избавляясь от своего недавнего понятийно-категориального прошлого, стал обозначать не продукты речемыслительной деятельности учёного с его строго структурированными мыслями-обобщениями, а «то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек [...] сам входит в культуру...» [Степанов 2006: 42]. И уже после этого по сути своей, акта культурной социализации человека, концепт включается в ценностно-смысловой континуум культуры. Это меняет векторную сущность концепта: он становится тем, в виде чего уже сама культура входит в ментальный мир человека, превращается в некий «сгусток культуры в сознании человека» [Степанов 2006: 43]. При этом концепт не утрачивает своего изначального предназначения – способности служить рождению чувственно-предметного смысла в виде некоего образа. Именно поэтому, в моём понимании, началом начал в цепи рассматриваемых терминов выступает концепт. К такому выводу приводит сама этимология латинского слова *conceptum*, которое употреблялось в значении 'зерно; зародыш'. Исходя из такой этимологии, В.В. Колесов сравнивает семантику данного слова с 'ростком первообраза', квалифицируя её неким 'первосмыслом'. Уже в силу его этимологического значения *концепт* никоим образом не может отождествляться с *понятием*, обозначающим уже оформившийся и логикой отфильтрованный объект мысли, понятое и структурированное смысловое содержание. Концепт же хотя и мощный стимулятор познания, но всё же потенциальный, ещё неоформленный «пролог», своего рода предшествующее понятию мыслительное

образование. Он – потенциальное понятие, протопонятие, ассоциативно-мыслительный «росток», способный «прорасти и словом, и мыслью, и делом». Как потенциальное понятие, концепт лишён прежде всего его базового компонента – десигната (означаемого словесного знака, отражения в сознании идеального объекта, обозначаемого данным именем, в отличие от денотата – предметной области, референтной данному слову). Для его обретения ему нужно превратиться в понятие, а если продолжить его метафорическое сравнение с зародышем, то он должен эволюционировать настолько, чтобы из него вырелась полностью оплодотворённая и структурно организованная мысль.

Концепт не может быть отождествлён и с образом – феноменом предметно-чувственной природы, так как он не обладает референцией, то есть не соотносится с конкретным предметом. Вот и получается, что ни «жизнь», ни «диван» концептами не являются: первое слово, выражая понятие, содержит в своём лексическом значении сигнификат, а второе – обозначая конкретный предмет, превращает его в свой референт, а именуя обобщённый предмет – в денотат. Данные объекты не являются концептами ещё и потому, что они в определенных условиях соотносятся с денотатами – серийными, обобщёнными, типовыми предметами мысли. Ср.: *Такая уж у него жизнь* (*жизнь* – способ существования); *Диван* – *удобнее стула* (*диван* – тип мебели).

Следовательно, концепт – такое мыслительное образование, которое существует в сознании человека наряду с предметно-чувственным образом, конкретным предметом мысли и понятием. И как предпонятийная структура концепт может быть представлен в виде «свернутой точки потенциальных смыслов» или, в нашем понимании, точкой, потенциально проецирующей некое смысловое поле текста. Так, смысловое пространство романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» проецируется его названием: с одной стороны – это романа о политическом конфликте, с другой – о вечном конфликте поколений: отцов и детей. В структуре такого поля сгущение смыслов образует его ядро, а рассеянные и разреженные смыслы – периферию. Такая организация концепта удерживает периферийные смыслы в зоне притяжения его ядра, образуя единство противоположенных смыслов, «туманное нечто» [Аскольдов 1997: 267], «вневременное содер-

жание» (С.Л. Франк). Вместе с тем, концепт – не мистический феномен. Это, скорее, гибридное единство наименования предмета с его мыслительным образом. В такого рода единстве сосуществуют предмет (объект познания), его субъективный образ и зародыш понятия – обобщенного представления о целом ряде однородных предметов в их наиболее существенных признаках. В таком истолковании концепт напоминает «смысл», однако в отличие от него лишённый формальной структуры. По мнению В.В. Колесова, концепт – смысл, не обретший материальной формы и поэтому пока ещё не понятие, но уже образование, содержащее его сущность [Колесов 2006: 44].

Первая часть данного суждения служит для нас исходным тезисом; вторая – требует дополнительных размышлений. Прежде всего, утверждение о том, что концепт – сущность понятия, вступает в противоречие с теорией концепта, разрабатываемой Ю.С. Степановым. Согласно его учению, как раз всё наоборот: понятие является сущностным компонентом концепта. Оно, наряду с образностью и оценочностью, образует один из структурных слоёв концепта. Вызывает также сомнение, что сущностью каждого концепта непременно выступает то или иное понятие. В этой связи особенно актуальны такого рода размышления при построении различных типологий концептов, в частности признание существования культурных, художественных, довербальных и др. их разновидностей. Ведь сущность культурных и художественных концептов, скорее, сосредоточена не в понятийной, а в их образно-смысловой составляющей.

Имеются и более серьёзная причина для такого рода сомнения. Она касается категориальной сущности концепта, метко и ёмко раскрытой В.В. Колесовым: концепт – 'первообраз', 'первосмысл' отражённого в сознании предмета мысли.

Ср.:

Тянусь к теплу, вдыхаю мягкость хлеба

И с хрустом мысленно кусая огурцы,

За ровной гладью вздрогнувшее небо

Выводит облако из стойла под уздцы. (С. Есенин)

Для лингвокультурологической дидактики концепт ценен тем, что служит формой, в которой осуществляется дискурсивная переплавка эмоционального и интеллектуального отражения действительности; образы, представления и понятия – «вылитые» в про-

цессе данной переплавки логико-эпистемологические структуры, воплощающие соответствующее миропонимание, результаты интеллектуально-эмотивной интерпретации познаваемого. И в этой своей ипостаси концепт представляет собой «приводной механизм» возникновения словесного знака, его протOVERбальный субстрат, поскольку для объективации концептуального содержания и, тем более, возможности его передачи другим людям нужен знак.

Однако на этом роль концепта в «жизни» знака не ограничивается. Он остается потенциальным источником дальнейшего дискурсивно-смыслового развития слова, формирования его ценностно-смысловой парадигмы.

Список литературы

- Алефиренко Н.Ф.* Спорные проблемы семантики: Монография. – М.: Гнозис, 2005. 326 с.
- Аскольдов С.А.* Концепт и слово. Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология / Под общ. ред. В.П. Нерознака. – М.: Academia. 1997, с. 267-279.
- Бубер М.* Я и Ты. – М.: Высшая школа, 1993. 173 с.
- Колесов В.В.* Русская ментальность в языке и тексте. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 624с.
- Степанов Ю.С.* Словарь русской культуры. – М.: Академический Проект, 2004. 991 с.
- Wolfgang M.E.* The culture of youth. – Washington, 1967. 252 p.
- Neubert A.* Pragmatische Aspekte der Übersetzung // Grundlagen der Übersetzungswissenschaft. – Leipzig, 1996. S. 36-82.

НОРМА – СОЗДАТЕЛЬНИЦА ИЛИ ПОРОЖДЕНИЕ ЯЗЫКА?

В.Г. Костомаров

ГИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва (Россия)

Понятия нормального, нормы, нормализации, нормативности унаследуют предметом увлекательных назидательных и произвольных разговоров без особого конструктивного смысла. Прежде всего потому, что они соотношены с чем угодно – больше всего с личным и групповым вкусом, а в учёных кругах со стилистикой, культурой